

Хотел начать нарядно: иллюзионист исчезает на глазах у изумленной публики и неожиданно появляется в райке амфитеатра через 17 лет. Вот он спускается на арену. Публика не расходилась. Публика аплодирует.

Хотел начать с того, что поэзия Цветкова — явление праздничное. Напоминает зеркальный многогранник под куполом цирка, который засвечивает нам звездное небо или закруживает снежинки, — так полнозвучно переливаются-перекликаются слова в его стихах.

Хотел начать с того, что многие цирковые профессии ему родны, и, быть может, главная, клоунская, воспета в посвящении Пригову:

*но твои случалось были
шутки в сторону смешны*

Шутки в сторону. Еще и потому, что это стихотворение «Памяти Д. А. П.» Слово работает в обе стороны. Со знаками препинания оно бы спотыкалось. Я поделился своим открытием: об уместности цветковского беспрепятственного письма, о том, что благодаря этому возникают неожиданные связи, не беспорядочные, но интуитивно продуманные, что поэтому слово и начинает поблескивать, становясь многогранным, — со своим приятелем, но приятель взглянул на меня как на вора: оказывается, я присвоил его открытие. Фокусы неблагодарной памяти, которая прикидывается, когда ей надо, забывчивостью. Но разве это не значит, что есть читатели кроме меня?

Хотел развития цирковой метафоры. Жонглёр с мячиками.

Мандельштам мячики бросает, а она (забыл — Герштейн, кажется?) не ловит. Для Цветкова Мандельштам за главного. Почему? Потому что никому «мячики» не удавались лучше, чем О. М., никто так мастерски и серьезно «гнутым словом» не забавлялся, ни у кого не было такого сочетания искрящегося слова и трагизма, а стихийное слово не срывалось с уст, опережая логику, столь безошибочно.

Еще, думаю, Платонов. Никто ведь не писал, например, так: «Я узнал тогда, что полная тишина есть вселенская музыка, и слушать её можно без конца, и позабыть жить...» (А. Платонов, «Невозможное»). Вот эти невозможности — цветковский дар тоже.

Хотел начать с того, что грани сверкают. И всё — по существу — тоже на грани. На грани жизни и смерти. Это ли не смертельный номер?

*перед тем как с темной горы спускаться
надо всем откликнуться отыскаться
в одиночку ноша не по плечу*

«Надо всем» — ну, конечно, «надо» предлог и «надо» предикатив: *над* всем, мы ведь на горе, и — надо, надо спускаться, себе на горе. Ловите мячики. Стихотворение не смешное:

*здесь гора на том берегу вторая
звездный газ горит в руке не сгорая
высоко над пристанью подниму
покидая сушу огня не брошу
где написано оставляйте ношу
там вода а дальше по одному*

Хотел показать, как та же тема обыграна весело, с учетом обэриутского опыта:

*вот женщина ярче колибри
с пленительной тайной внутри
но все до единой погибли
склодовская скажем кюри*

.....
*чуть скажешь приятное даме
а та моментально скелет*

И если, как пишет поэт, мы «скоро на целой планете/ рискуем остаться одни», то необходимо задать вопрос: как же так — все поголовно умрут, а нас это не коснется? Что ж, одни, но все равно приятно.

Хотел... Но начал так:

мышление, каким бы страстным ни было, неизбежно рационально, и чем оно страстней, тем быстрее оказывается в тупике смерти и бессмысленности. Цветков — из тех поэтов, чье мышление всякий раз загоняет себя в этот тупик, и загоняет для того, чтобы слово, в попытке его преодоления, попыталось превзойти свои возможности и выпрыгнуть в область иррационального. Другими словами, Цветков тот, кто при удачном стечении обстоятельств вышибает дно и выходит вон. Намеренности тут никакой нет, — такова природа поэта, чья религия — поэзия. Изобличать его в безбожии, или восхвалять героический атеизм, или — наоборот — находить в нём адепта какой-либо конфессии — пустое дело. Его вера — слово. А чтобы «божественной» темы больше не касаться, я коснусь её немедленно и сразу закрою. Стихи Цветкова, противореча или не противореча намерениям автора, свидетельствуют: отсутствие Бога ничего не говорит о Его несуществовании. Тем более, что:

*поскольку спит всего один из нас
никто другой не закрывает глаз*

Так начинается стихотворение, в котором не рассказана, но явлена невозможность понять кто кому снится. Подозреваю, что мы снятся ему (у Цветкова прописных букв нет). И так хорошо нам сниться, что:

живи вполголоса не разбуди

Сказано с остроумной нежностью. А по пути к этому финалу звучит молитва — благодарная? ироничная? — простая и изощренная (особенно если полагать, что во сне время течет в обратную сторону, и сообразить, что поэт желает Высшей силе неомраченного сна во имя сохранения земного порядка вещей):

*и спит не вспяшь а временем вперед
чтоб не случилось все наоборот*

*пусть явь не омрачит ему чела
чтоб завтра солнце встало как вчера*

Вопрос, который ставит поэт, вопрос не умозрительный и не теоретический. Ученый-физик говорит, что даже если мы когда-нибудь поймем устройство Вселенной, мы никогда не ответим на вопрос: «зачем?» Но если этот вопрос ставится не на бумаге, если это не головной вопрос, если на карту вопрошания поставлен индивидуальный вопль Иова, то ответ есть. Поэт его находит в слове. И находит в те редкие мгновения, когда перестает им командовать, когда позволяет слову проговориться, как тому хочется. Слово — явление дуприродное, и всевозможные темноты: «Есть речи — значенье темно иль ничтожно», ««язык бессмысленный, язык солёно-сладкий» — оттуда, из трансцендентной области, внешней человеческому разумению. Вот только стоило бы «темноты» переименовать, — в счастливых случаях это строки, всё освещающие, предельно ясные, хотя и не поддающиеся объяснению. Шел в Дамаск, встретил воскресшего Христа... Примерно так.

*я жил плашмя я столько лет болел
морская зыбь на горизонте лентой
лежала тоже и струилась летой
в ней брода бранный глаз не одолел
или другой придуманной рекой
но я вообще не слышал о такой*

*мне было мало лет я был больной
тутанхамон в стекле на жестком ложе
там воробьи пищали надо мной
подвижные что поражало тоже
мечтал летать но не умел ходить
носимый сутками из света в тень я
где наука невидимая нить
водила за пределы разуменья*

*я там лежал и жил и был дитя
а в черных поперечинах окошка
переплетались ласточки летя
пространство тратила шагая кошка
я так жалел лежачему нельзя
владея хоть послушными глазами
за горизонт переселить глаза
чтоб видели а после показали*

*исполнить над собою колдовство
что миг на подвиг взрослых поднимало
я ждал тогда я всех любил кого
увидеть мог но видел очень мало
они ведь умерли потом поди
лежат но не имеют формы тела
струится ночь и ласточка в груди
летит но никуда не прилетела
всего что остается на свету
паук и паутина в пустоту*

Эти стихи обрывать не хотелось. Из уважения к их бесспорно великим достоинствам.

Здесь всё кристально. Поэтому — реплика в сторону. Цветков писал так и в первых своих книгах. Я не знаю, когда он выучил английский, то есть является ли скорость (краткость) передачи поэтической информации случайным совпадением с возможностями английского языка или это — влияние. Не важно. Важно другое: как замечательно, пронзительно, как больно и как много сказано в двух строчках: «за горизонт переселить глаза/ чтоб видели а после показали». Бесподобная, уникальная речь, в которой всё — своё.

Я хотел в финале показать еще несколько стихотворений...

Хотел произнести слово «октаграмма» и продемонстрировать свою ученость, но кто поверит в чью-то там ученость, когда есть интернет и гугл. Так вот, октаграмма — восьмилучевая звезда. Вписанная в окружность, она олицетворяет порядок, созидание. А без окружности является символом хаоса, разрушения. Я нашел это слово как метафору своего тонкого соображения. Стихи Цветкова, при всей кажущейся хаотичности, при том, что слова бросаются наперерез смыслу и друг другу, при неустанном тасовании этой колоды, держат отчетливый смысл и форму. Они вписаны в ту самую окружность. А особое «звёздное» сияние им придает словно бы их собственное обостренное чувство: мы на грани хаоса, мы пребываем в неутомимом гармоническом усилии, — и их чувство передается зрителю, который из-за рискованности этого номера не может отвести от них взгляда.

Хотел закончить комической и обобщающей картинкой, чтобы переборщить и предупредить таким образом упреки читателя в избытке «цирка»: вот клоун жонглирует и одновременно балансирует, стоя на всяких подвижных полусферах и кубиках, поставленных друг на друга, и вся эта конструкция передвигается по канату под куполом цирка...

Хотел закончить восклицанием, состоящим из слов почти уже не существующих: вдохновенный труд!

Хотел закончить фокусом: все 17 лет «молчания» Цветков на самом деле писал, а теперь выдает это за ежедневные штудии, переводя почтенную публику в разряд публики изумленной...

Но пришлось оставить всё как есть.